

Тон матушки Чжоу редко звучал так приятно.

На самом деле, это было потому, что она слышала, как ее младший сын говорил о вчерашнем возвращении. Естественно, она волновалась из-за сильного снегопада прошлой ночью.

Как, должно быть, холодно было идти весь этот путь?

Ее младший сын сказал, что его жена встала и приготовила ему имбирный суп и нагрела имбирную ванночку для ног, чтобы согреть его ноги. А также накормила его паровыми булочками и супом с пельменями, прежде чем уложить его спать.

Выслушав это, матушка Чжоу почувствовала себя гораздо спокойнее. Эта богатая невестка, Линь Циньхэ, выглядела все более привлекательной в ее глазах.

По крайней мере, она смогла хорошо заботиться о ее младшем сыне. Одного этого было достаточно, чтобы матушка Чжоу обращалась с ней вежливо и приветливо.

Линь Циньхэ бросила взгляд на Чжоу Цинбая. Чжоу Цинбай тоже смотрел на нее, и они встретились взглядами. Она все еще немного стеснялась, поэтому перевела взгляд на Дава и его братьев.

— Вы уже поели?

— Да, — ответили Дав и Эрва.

Затем Линь Циньхэ оставила их одних и вошла в кухню. Печь на кухне еще не остыла. Отец и сыновья приготовили булочки на пару.

Булочки были сделаны несколько дней назад, а так как их заморозили на морозе, они не испортились. Если они хотят съесть их, им просто нужно взять несколько штук и приготовить их на пару. Поскольку они не всегда ели булочки, кое-что оставалось. Конечно, это были последние.

Линь Циньхэ не была голодна, так что одной ей было достаточно.

В это время вошел Саньва.

Линь Циньхэ подняла его:

— Саньва, ты уже достаточно поел?

— Не ешь, — Саньва покачал головой.

Это означало, что он поел. Если бы он не поел, он захотел бы есть.

Линь Циньхэ вынесла его.

Мать Чжоу все еще была в доме. Главным образом потому, что она так долго не видела своего младшего сына, она очень скучала по нему.

Из четырех сыновей она больше всего любила своего младшего. В ее сердце младший сын был номером один. Все остальные сыновья и дочери могут сидеть в стороне.

Линь Циньхэ отвела Саньва обратно в комнату. Дава и Эрва последовали за ними.

Чжоу Цинбай смотрел ей в спину.

Мать Чжоу прошептала:

— Мать Дава больше заботится об этих братьях в последние дни. Об их одежде и обуви она заботилась лично. Она боится заморозить братьев. Она также купила мясо и булочки для меня и твоего отца.

В прошлый раз, когда она сделала белые булочки, Линь Циньхэ также попросила Дава и Эрва отнести две. Сказала, что это для отца Чжоу и матери Чжоу. Для остальных — ничего.

Отец Чжоу и мать Чжоу не выдали сыновнего благочестия жены четвертого по отношению к ним. Если так, что подумает жена четвертого, когда узнает?

Более того, в доме старого Чжоу было так много внуков. Либо нужно было разделить булочки между всеми, либо никто ничего не получит.

Как они должны были разделить две булочки? Так что пожилая пара просто съела их сама. Тогда никто ничего не сможет сказать. Если они и говорили что-то, то это было о жене четвертого, проявившей сыновнее благочестие по отношению к их пожилой паре.

Чжоу Цинбай кивнул, показывая, что понимает.

— О других вещах мама много не скажет. Но привычка твоей жены тратить деньги должна измениться. Дава и его братья растут. Когда придет время, им понадобятся деньги на все. С ее помощью не будет сэкономлено ни юаня, — провозгласила мать Чжоу.

Чжоу Цинбай заметил это.

В доме появилась угольная печь, полмешка угля и железная кастрюля из нержавеющей стали. И два больших стеганых одеяла были совершенно новыми. А также детская одежда.

Что касается другого, то остальных вещей было немного. Дом был полон еды. Рис и мука были превосходного качества. Должно быть, это стоило больших денег.

Однако Чжоу Цинбай не считал это дурной привычкой, потому что она хорошо заботилась о домашнем хозяйстве, а дети были очень хорошо воспитаны.

Пока она заботится о домашнем хозяйстве, он будет заботиться о внешних вещах.

— Я знаю, — кивнул Чжоу Цинбай.

Мать Чжоу наблюдала за тем, как он постоянно смотрит во внутреннюю комнату, и знала, что пара давно не видела друг друга. Хотя ей хотелось сказать еще несколько слов своему младшему сыну, она не стала мешать.

— Тогда мама вернется первой.

— Хорошо, — проводил ее Чжоу Цинбай.

Когда мать Чжоу ушла, Чжоу Цинбай вошел в комнату. Линь Циньхэ наносила крем на ее троих сыновей и заметила его:

— Разве ты не знаешь, что нужно помочь отцу, если ты не применяешь его сам? Если он пострадает от холода, на него будет некрасиво смотреть.

— Мама, папа вернулся, — произнес Дава.

Глаза Эрва тоже засияли.

Судя по тому, как они себя ведут, Линь Циньхэ знала, что они очень довольны своим отцом.

— Сегодня утром твой отец забрал тебя?

— Да. Когда мы проснулись, отец сказал нам, чтобы мы сначала вышли, одевшись, и не беспокоили маму, — Дава покачал головой.

— Отец приготовил нам булочки на пару, по одной! — подтвердил Эрва.

Обычно их мать давала по половине каждому и разбавляла их еду кашей. Никогда не давала им булочку целиком.

Линь Циньхэ мысленно отметила, что их отец использовал ее булочки, чтобы завоевать сердца детей. Она надеялась, что у отца и сыновей хорошие отношения, и заявила:

— Он твой отец, конечно, он добр к тебе. Я мачеха, поэтому каждому достается по половине.

— Мать — мачеха, а я — пасынок, — Эрва рассмеялся.

— Не смейся. У отца есть только мать в качестве жены! — презрительно бросил ему Дава.

— Закончили разглагольствовать. Вы можете выйти, — Линь Циньхэ прогнала их прочь.

Как только она сказала это, вошел Чжоу Цинбай. Линь Циньхэ подсознательно оглянулась и встретила с ним взглядом. Линь Циньхэ почувствовала, что было странно ничего не говорить, поэтому просто выпалила:

— Мама вернулась домой?

— Да, — кивнул Чжоу Цинбай.

Коротко и лаконично, без лишних слов.

Линь Циньхэ: «Неудивительно, что он не смог получить благосклонность первоначального владельца. С таким ртом он не может угодить женщине».

— Вы двое идите играть, — Чжоу Цинбай выгнал Даву и Эрву.

Дава и Эрва посмотрели на мать. Линь Циньхэ мысленно задавалась вопросом, почему они смотрят на нее. Она определенно не хотела, чтобы они уходили! Но она также знала, что он хочет ей что-то сказать.

Линь Циньхэ убеждала:

— Слушайте своего отца. Идите поиграйте.

Итак, Дава и Эрва вышли. Они вдвоем собирались похвастаться своим друзьям, что их отец

вернулся!

Когда Дава и Эрва ушли, на кровати-печи играл только Саньва. Линь Циньхэ понимающе спросила, играя со своим младшим сыном:

— Как долго ты можешь остаться на этот раз?

Чжоу Цинбай замер. Хотя Линь Циньхэ стояла к нему спиной, она чувствовала, что мужчина явно немного нервничает. Она продолжала играть с Саньву, в то время как сама вела себя невежественно. Саньва рассмеялся от ее поддразнивания.

Увидев, что его третий сын так счастливо смеется, Чжоу Цинбай перевел взгляд на ее спину и объявил:

— На этот раз я не собираюсь возвращаться.

Как только эти слова прозвучали, он увидел, что она замерла, как он и ожидал, и сразу же повернулась, чтобы посмотреть на него недоверчивыми глазами:

— Что значит не возвращаешься?

— Я ушел в отставку, — Чжоу Цинбай выдохнул, глядя на нее.

Линь Циньхэ уставилась на него, ожидая продолжения разговора. Например, расскажет ли он ей о травмах, которые получил. Но он этого не сделал...

Неудивительно, что первоначальный владелец просто взбесилась. Он действительно не знал, как выразить себя.

Разве он не знал, что «она» мечтала стать официальной женой?

П.п.: Тай тай (太太) — китайский разговорный термин для избранной жены лидера или богатой замужней женщины, которая не работает. Это то же самое, что и кантонский титул для замужней женщины. Он имеет то же эвфемистическое значение, что и «леди» в английском языке: иногда лесть, иногда тонкое оскорбление. Один автор описывает его как эквивалент английского термина «ladies who lunch».

Уважительное обращение 太太 (tài tai — тай тай) используется в отношении чьей-либо жены или замужней женщины в общем. Уважительное обращение к замужней женщине Ли будет звучать по-китайски 李太太 (lǐ tài tài — ли тай тай), или сокращённо 李太 (lǐ tài).

<http://tl.rulate.ru/book/36775/1371437>